

ра сего, а крест его, огонь его, самоотречение и самоотдача, экатология христианская.

И не надо думать, что все сказанное относится исключительно к монашеству. Я говорила о нем, чтобы ярче выявить мою основную мысль. Но эта основная мысль, мнѣ кажется, опредѣляет собою судьбу современного міра в его цѣлом. Она проста и ясна.

Время обернулось сейчас апокалиптическим ангелом, трубящим и вызывающим в каждой человеческой душѣ. Случайное и условное свивается, как шлуха, и обнажает вѣчные корни жизни. Человѣкъ стоит перед гибелью. Гибель обличает ничтожность, временность, хрупкость его мечтаній и стремленій. Все сгорает. Остается только Бог, человеческая душа, вѣчность и любовь.

Это так, — для каждаго, — для монаха и мірянина, для христианина и язычника, для праведнаго и грѣшнаго.

И кто хочет в наши страшные дни идти единственным путем, уводящим от гибели, — «да отвергнется себя, и возьмет крест свой и идет».

Монахиня Марія.

ВСЕМІРНЫЙ СЪѢЗД ПРАКТИЧЕСКАГО ХРИСТИАНСТВА В ОКСФОРДѢ

I

Может показаться удивительным, что люди, исповѣдующіе одну и ту же религію, хотя и распавшуюся на нѣсколько различных исповѣданій, но сохранившую общность основных учительных книг, общность преданій, обрядов и таинств, не могут прийти к согласію в основных вопросах жизни и выработать ряд общих точек зрѣнія по основным практическим проблемам, поставленным современностью. Перед лицом общей надвигающейся опасности безвѣрія и культурнаго одичанія, грозящаго христианскому міру, вопросы христианскаго поведения и христианской жизни должны были бы, как кажется, получить отвѣты однозначные и для всѣх христиан обязательные. Если этого нѣтъ, то не превращается ли само понятіе христианства практически в пустой звук?

Убѣжденіе в возможности найти такую общность лежит в основаніи движенія, которое возникло в 1925 году на созванном, по инициативѣ архіепископа Унсалскаго, Натана Седерслема, Съѣздѣ христианскихъ церквей в Стокгольмѣ. На съѣздѣ этомъ родилось так на-

зываемое «экуменическое» христианское движение и образовалась постоянная организация «Практического Христианства» («Universal Christian Council for Life and Work»). При Совете этого движения, имѣющем постоянное мѣстопробываніе в Женевѣ, был образован постоянный Теологическій Институт, во главѣ котораго стоит проф. Адольф Келлер, и постоянное Исслѣдовательское Бюро во главѣ с директорами, Гансом Шенфельдом и Нильсом Эренштремом.

Подготовительная работа по состоявшемуся в іюль 1937 года Оксфордскому Съезду велась Исслѣдовательским Бюро с 1932 года. В 1933 году была созвана особая конференція в Ренгсдорфѣ, посвященная вопросу о «Церкви и социальном строѣ». На этой конференціи выяснилось, что социальныя проблемы в настоящее время тѣснѣйшим образом связаны с природой и задачами современных государств, власть которых во многих отношеніях притязает направлять и формировать социальную жизнь. Таким образом, в силу современного положенія вещей, проблема государства выдвинута была на первый план и стала главным предметом вниманія. В 1934 году была созвана особая конференція в Парижѣ на тему «Церковь и современные проблемы государственной жизни». На совѣщаніи Совета Практическаго Христианства в Фено (Данія) в 1934 году рѣшено было, что проектируемый в 1937 году Всемирный Съезд Практическаго Христианства в Оксфордѣ должен быть посвящен темѣ: «Церковь, общество и государство».

Сами руководители движения и инициаторы Оксфордскаго Съезда слѣдующим образом опредѣляют смысл и значеніе означенной темы. «Продолжавшійся вѣками конфликт между Церковью и свѣтской властью, послѣ эпохи примиренія и терпимости, вступил снова в состояніе обостренія... Церковь, несомнѣнно, переживает нынѣ сильнѣйшій кризис, какой только извѣстен исторіи. Она снова очутилась лицом к лицу с проблемами, аналогичными тѣм, которыя возникали, когда она, в прошлые дни своей исторіи, стояла перед Римским міром. Вопрос, который встает перед ней и который нас нынѣ волнует, есть вопрос, названный проф. Эрнстом Баркером, можетъ быть, самым глубоким в исторіи¹⁾ — вопрос об отношеніи Церкви, как носительницы сверх-мірскаго авторитета, к организованной корпорации, какой является всякое огосударствленное общество. Основной темой Оксфордскаго Съезда, как это слѣдует из перваго объявленія о нем, является борьба не за жизнь, а за смерть между христианской вѣрой и секулярными, языческими стремленіями нашей эпохи».

Оксфордскому Съезду предшествовала огромная подготовительная работа, руководимая председателем особой исслѣдовательской

¹⁾ В одном из печатных сборников, посвященных работам Съезда, серія которых печатается, начиная с января 1937 года, в издательствѣ G. Allen and Unwin в Лондонѣ.

комиссії в Англії, д-ром Ольдхемом, вышеупомянутым Женевским Исследовательским Бюро и особой комиссіей в Соединенных Штатах, во главѣ которой стояли д-р Г. П. Фан-Дузеп и проф. Джон Боннет. К работѣ этой привлечены были ученые всего міра. Им было поручено в рядѣ специальных рефератов освѣтить с различных точек зрѣнія слѣдующія основныя темы: 1) Христіанское понятіе о чловѣкѣ; 2) Царство Божіе и чловѣческая исторія; 3) Христіанство и общественная жизнь; 4) Церковь и ея общественныя функціи; 5) Церковь и государство; 6) Церковь, общество и государство в их отношеніи к проблемѣ воспитанія; 7) Церковь, общество и государство в их отношеніи к соціальному порядку; 8) Вселенская церковь и международный порядок. На темы эти было написано болѣе ста различных докладов, которые были разсланы всѣм участникам научной работы для отзывов и критических замѣчаній. В результатѣ письменнаго и устнаго обмѣна мнѣній выработана была не только программа Оксфордскаго Съѣзда, но и предварительный текст резолюцій, в которых нашли выраженіе различные взгляды христіанскаго міра, формулированы разногласія и сведены в одно цѣлое общія точки зрѣнія. Таким образом участники Съѣзда пріѣхали в Оксфорд с огромным, подготовленным в результатѣ вышеописанной работы матеріалом, который они были призваны оцѣнить, принять или отвергнуть. Без преувеличенія можно сказать, что рѣдко международные съѣзды бывають столь подготовлены к своей работѣ, как был подготовлен Оксфордскій Съѣзд. Резолюціи его, напечатанныя имѣя отдѣльной книгой «The Churches Survey their Task. The report of the Conference at Oxford, July 1937, on Church, Community, and State», London. G. Allen and Unwin Ltd, 1937, являются не только продуктом соборной научной работы, но и выраженіем экуменическаго христіанскаго общественнаго мнѣнія, которое внесло в предварительную работу свои сужденія, поправки и оцѣнки.

На Оксфордском Съѣздѣ 1937 года не было, к сожалѣнію, представлено все вселенское христіанство. Отсутствовали на нем официально представители римско-католической Церкви, хотя нѣкоторые из католических ученых и принимали участіе в предварительной научной работѣ. Отсутствие Рима было фактом чрезвычайно прискорбным и умаляющим вселенскую цѣнность оксфордскаго дѣла. Архіепископ Кентерберійскій в своем вступительном словѣ при открытіи Съѣзда выразил надежду, что придет день, когда, пред лицом общей опасности и в сознаніи предстоящих всѣм нам реальностей, Римская Католическая Церковь присоединится к совместной христіанской работѣ. Горестно было и то, что Германская Евангелическая Церковь, представители которой столь много внесли в предварительную работу, по независящим обстоятельствам, не могла прислать на Съѣзд своих делегатов. Делегатам этим не были выданы заграничные паспорта націонал-соціалистическим правительством. (Здѣсь кстати от-

мѣтим, что на Съѣздѣ присутствовали делегаты итальянских протестантов, в Италіи около 100.000 человек). Оксфордскій Съѣзд обратился к Германской Евагелической Церкви с особым посланіем, выражающим чувства глубокой симпатіи и сочувствія нѣмецким братьям, переживающим в настоящее время столь великія испытанія. Само собою разумѣется, что отсутствовали представители и Православной Церкви в Совѣтской Россіи. Испытанія, которыя переживает русская Церковь в условіях совѣтской жизни таковы, что к ней невысказанно было обратиться даже с посланіем. Но Оксфордскій Съѣзд в особой резолюціи осудил религіозныя гоненія в совѣтской Россіи, равно как и преслѣдованія, которым подверглось духовенство Абиссинской Церкви послѣ завоеванія этой страны Италіей.

Остальной христіанскій мір был представлен на Съѣздѣ широко и полно. Были представлены всѣ церкви С. Ш. Америки, церкви Великобританіи и Ирландіи, евагелическая Церковь Австріи, Болгаріи, евагелическія и протестантскія церкви Чехословакіи, Даніи, Эстоніи, Финляндіи, Франціи, Федерация протестантских свободных церквей Германіи, протестантская церковь Греціи, протестантскія церкви Голландіи, Венгріи, Италіи, Латвіи, Лигвы, Норвегіи, протестантскія церкви Польши, Румыніи, Швеціи, евагелическая Церковь Испаніи, федерация протестантских церквей Швейцаріи, Юрославіи и Старо-Католическая Церковь Англій. Из Православных Церквей присутствовали делегаты: Вселенскаго патріарха, Патріарха Александрійскаго, Антиохійскаго, Иерусалимскаго, Православной Церкви Кипра, Греческой Православной Церкви, церковей Румыніи, Югославіи, Болгаріи, Польши, Русских Эмигрантских Церквей (Карловацкаго Собора и Православной Церкви Западной Европы). От восточных инославных церквей были представители Коптской церкви, Армянской церкви, церкви Ассирійской. Кромѣ того представлены были различныя церкви других материков и стран, именно, Австраліи, Китая, Вест-Индіи, Японіи, Кореи, Мексики, Новой Зеландіи, Филиппинских Островов, Южной Америки, Южной Африки.

II

Двѣ недѣли, в теченіе которых продолжался Съѣзд, прошли в напряженной работѣ. Едва ли можно было пайти лучшее мѣсто для Съѣзда, чѣм Оксфорд. Вся жизнь этого города как бы создана для одной основной цѣли — для удовлетворенія научных, умственных и духовных интересов человека. Таковы были до войны нѣкоторые небольшіе университетскіе города Германіи, таков не в меньшей, если не в большей степени — Оксфорд. В центрѣ подобных городов стоит университет, к которому стянуты всѣ нити жизни. Когда занятія в университетѣ прекращаются, город пустѣет и замирает. В Оксфордѣ, в сущности, нѣтъ такого единого центра, что зависит от специфической системы англійскаго высшаго образованія. Окс-

форд — полицентричен: в нем столько университетов, сколько колледжей. И одновременно весь Оксфорд, с особым присущим ему «оксфордским» духом — один, единый университет. Каждый колледж — это студенческое и профессорское общежитие с совокупностью примыкающих к нему научных учреждений, институтов, библиотек и т. д. По архитектурѣ своей Оксфорд напоминает болѣе всего старые итальянскіе города — напоминает настолько, что, гуляя по Оксфорду, думаешь, что находишься гдѣ-то в Веронѣ или Болоньѣ. Другое небо и другія, сѣверныя краски. Здѣсь, в старинных храмах и зданиях, вы встрѣтите всѣ стили англійской архитектуры — англійскую готику, ренессанс, барокко, англійскій ампи́р. Город в цѣлом как бы огромный музей, в котором от всего вѣет традиціей и стариной.

Делегаты Съезда размѣщены были в различных колледжах. Мы жили в Вустер-колледжѣ, часть зданий котораго построена еще в XIII-XIV вѣкѣ. Каждому была предоставлена небольшая квартира в двѣ комнаты — помѣщеніе, в котором обычно живут оксфордскіе студенты. Несмотря на древность здания, вездѣ чувствовался англійскій высокій комфорт, англійская солидность и степенность. Окна моих комнат выходили в старинный, принадлежащій колледжу парк, газоны котораго были подобны зеленому ковру — тѣ знаменитые англійскіе газоны, по которым можно, к удивленію, ходить, как по полу. Только здѣсь, в Оксфордѣ, удалось почувствовать, какое удобство и покой могут окружать жизнь, посвященную наукѣ, — впечатлѣніе особенно разительное при безпокойности нашего эмигрантскаго существованія.

Работы Съезда занимали весь день — с утра до ночи. День начинался общей церковной службой в 9 час. 30 мин., которую вели по очереди представители всѣх церквей и всѣх націй. Затѣм в 10 час. 15 мин. открывались или утреннія пленарныя засѣданія или собранія различных комиссій. Сейчас же послѣ завтрака открывались собранія различных редакціонных комитетов, потом в 5 час. — снова пленарное засѣданіе, в 6 час. 45 мин. служба и послѣ обѣда до 10 час. 30 мин. работа комиссій. К 11 час. ночи ужно было быть дома, так как здания колледжей в этот час запираются, и в них нельзя болѣе никакими силами проникнуть. Так живут в Оксфордѣ и студенты, так живет весь город: послѣ одиннадцати часов ночи он совершенно мертв.

Зрѣлище пленарных засѣданій, происходивших в огромном залѣ городской ратуши, оставляли впечатлѣніе импозантное и неизгладимое. В президіумѣ на эстрадѣ — люди всѣх націй, европейцы, американцы, черные и бѣлые, индусы, негры, представители желтой расы. Никогда христіанство не представлялось столь вселенски, как во время Оксфордскаго Съезда, который истинно сгладил расовыя различія и предрасудки. Это отмѣчено было при открытіи Съезда архіепископом Кентерберійским, который сказал, что «с Оксфорда на-

чинается совершенно новый факт христианской истории... Факт этот «дает возможность христианам перешагнуть пороги, разделяющие между собою расы и национальности, и свидетельствует о том, что на помощь царству мира сего приходят спасительные энергии Царства Божия»... Тот же мотив о вселенском, сверхнациональном характере христианства звучал в речах цѣлаго ряда других членов Съезда. Китайскій делегат, д-р Т. З. Ку, в проникновенной рѣчи обличал банкротство исторических христианских церквей, которыя, вмѣсто того, чтобы быть образцом для свѣтскаго общества, принимали за образец идеалы этого послѣдняго. В особенности чувствовалось это в отношеніи христиан бѣлой расы к расам цвѣтным. Так потеряна была идея единства и вселенскости христианства и воздвигнуты были барьеры между народами, расами и племенами. Названный мотив особо был подчеркнут в посланіи Оксфордскаго Съезда, обращенном к христианам всего міра. «Христианство, говорится в этом посланіи, смотрит на различія рас, как на промыслительный план Божій — обогащать человѣчество через различіе Божіих даров. Сурово осуждает церковь, как бунт против Бога, расовую гордость и расовые антагонизмы. ...Каждый человѣкъ призван Богом служить своим ближним в том обществѣ, к которому он принадлежит. Но національный эгоизм, стремящійся к подавленію других національностей или меньшинств, является не меньшим грѣхом перед Творцом всѣх народов и рас, чѣм эгоизм индивидуальный. Обожествленіе націй, расы, класса или каких-либо политических или культурных идеалов является идолослуженіем и может повести только к дальнѣйшим раздѣленіям и бѣдам».

Кромѣ вопроса о вселенском характерѣ христианства в общих программных рѣчах, произнесенных на первых пленарных засѣданіях, особо были выдвинуты слѣдующіе вопросы: вопрос о существѣ Церкви и ея смыслѣ, Церковь как экуменическое общество, современное положеніе мира, Церковь в міру, задачи и назначеніе мірян, цѣнность и достоинство человѣка. На послѣдующих пленарных засѣданіях обсуждались и принимались выработанныя в коммисіях резолюціи и выработывались общія рѣшенія.

III

Съездом было образовано пять основных коммисій, составленных из делегатов различных церквей и посвященных слѣдующим вопросам: первая коммисія — по вопросу «Церковь и общество»; вторая — по вопросу «Церковь и государство»; третья — «Церковь и экономическій порядок»; четвертая — «Церковь и проблема воспитанія»; пятая — «вселенская Церковь и международный порядок» со специальной подкоммисіей, посвященной вопросу об отношеніи христианства к войнѣ. Резолюціи этих коммисій, принятыя общим собраніем и отредактированныя специальным редакціонным комитетом, на-

печатаны, вмѣстѣ с другими матеріалами, в вышеупомянутой книгѣ «The Churches survey their task».

Нѣтъ возможности в кратком отчетѣ описать всю ту сложную работу, которая велась в комиссіях. Хотѣлось бы только особо отмѣтить то, что было внесено в работу русскими делегатами, положение которых было очень отвѣтственно и трудно. На Съѣздѣ преобладали все же протестанты, что не могло не отразиться на его дѣятельности и на принятых им резолюціях. Многое, что происходило на Съѣздѣ, навѣяно было интересами западнаго, преимущественно англо-саксонскаго міра и характерными особенностями его жизни. Нам, русским эмигрантам, интересы эти во многих отношеніях далеки и чужды. Политически мы стоим внѣ дѣйствительной жизни, являемся только ея зрителями. Это является нашим минусом, но в то же время дает нам и нѣкоторыя дѣйствительныя преимущества. Именно, мы обладаем способностью подлинно незаинтересованнаго и, слѣдовательно, безпристрастнаго и объективнаго подхода к тем проблемам, обсужденіе которых с точки зрѣнія живых интересов менѣе отвлеченно, но в то же время может быть и менѣе объективным. Кромѣ того, как ни далеко стоит русское православіе от проблем «практическаго христіанства» — и это наш большой недостаток — все же в глубинах своих оно таит такія интуіціи, которыя в концѣ концов приводят к иным рѣшеніям основных жизненных проблем по сравнению с рѣшеніями, принимаемыми западными вѣроисповѣданіями, протестантством и римским католичеством. Мы вездѣ старались внести это «свое» в освѣщеніе поставленных на обсужденіе вопросов, — не нам судить, насколько это удалось сдѣлать и провести.

Существовала опасность, что вторая комиссія, посвященная проблемѣ отношенія Церкви к государству, превратится в нѣкій трибунал, призванный судить одни политическіе режимы с точки зрѣнія других, им противоположных и враждебных. И так как на Съѣздѣ преобладали представители демократических государств, то существовала опасность, что работы комиссіи превратятся в политической суд над диктатурами. Нужно было проявить особую осторожность, чтобы христіанское дѣло не превратилось в политической процесс и в то же время не растворилось в безпринципном оппортунизмѣ. Это понимали многіе участники и руководители второй комиссіи, это в значительной степени облегчало все дѣло. Но слѣдует с полным безпристрастіем отмѣтить, что правильной постановкѣ вопроса содѣйствовали во многом русскіе делегаты. Проф. Б. П. Вышеславцевым были сформулированы во второй комиссіи слѣдующіе пункты, которые отлично выразили правильную постановку названнаго вопроса, помогающую избѣгать многих подводных камней. Пункты эти были предметом его рѣчи, произнесенной на пленумѣ, и в общем смыслѣ, так же как и в отдѣльных выраженіях, отразились на текстѣ принятой второй комиссіей резолюціи. Пункты эти таковы:

«1. Христианская Церковь имѣет право и обязана высказывать свои сужденія о справедливости и несправедливости известных политических форм — в особенности же в период их кризиса и великих преобразованій.

2. В грандіозном современном конфликтѣ демократій с диктатурами и с государственным тоталитаризмом христианская Церковь должна стоять высоко над спорящими и не солидаризироваться ни с одним из них. В то же время она должна формулировать тѣ политическія цѣнности и избличать тѣ демониі, которыя свойственны как демократіи, так и диктатурам.

3. Основная цѣнность, присущая демократіи, есть цѣнность человеческой личности, которая защищается в демократіях признаніем субъективных публичных прав человѣка и гражданина. Самое основное из этих прав есть право свободы человеческой совѣсти: Парламентаризм и режим современных политических партій не являются вѣчными цѣностями — напротив, в этих институтах всего легче проявляются демониі демократического образа правленія.

4. Что касается до диктатур, то с точки зрѣнія христианскаго понятія справедливости эту политическую форму нужно признать равносильной военному положенію или положенію необходимой обороны. Диктатура не есть какая-либо политическая форма, но является переходной стадіей, из которой может родиться новое государство будущаго; однако же может случиться, что диктатура вырождается в род самаго примитивнаго и хорошо знакомаго исторіи деспотизма. В опасности этой лежит демониизм всех диктаторіальных режимов.

5. Существуют различныя диктатуры и различные виды тоталитарных режимов. Нельзя поэтому вывести о них какого-либо общаго, однозначнаго сужденія. Существуют диктатуры, которыя не склонны отрицать духовной свободы личности, которыя не преслѣдуют религіи и не гонят Церкви. Но существуют диктатуры, которыя цѣлком поглощают человеческую свободу, предписывают исповѣданіе обязательной государственной идеологіи, гонят религію и Церковь. Отношеніе христиан к тому и другому виду диктатур не может быть вполне одинаковым».

В принятых резолюціях Съѣзд не солидаризировался с какой-либо опредѣленной формой государственнаго устройства. Одинаково были им осуждены, как дезинтегрирующія тенденціи современной жизни, созданныя новѣйшей демократической культурой, так и тѣ новѣйшія тенденціи к интеграціи, которыя приводят к превращенію государства в абсолютную цѣнность. «Мы признаем, говорится в вышеупомянутом Посланіи Съѣзда, что государство в своей собственной сферѣ обладает высшим авторитетом. Ему свыше поставлена задача блюсти правовой порядок и направлять жизнь своего народа». Но так как власть исходит от Бога, то и государственная власть подчинена Его суду. Бог есть источник права и справедливости, а государство не господин, а слуга народа. «Христианин может призна-

вать высшую власть только за Богом; его лояльность по отношению к государству вытекает из его отношения к Богу и никогда не может вытеснить этой подчиненности нашей Богу и стать на ее место». В основной резолюции подчеркивается также, что государство в этом греховном мире, в котором мы живем, часто становится орудием греха и зла. Государство не является последним источником права, но только его гарантом. Таким образом осуждается всякая попытка абсолютизации государства, откуда бы она ни исходила.

Другого характера затруднения встали в пятой комиссии — в особенности в ее секции, посвященной проблеме войны. Нам, русским, казалось, что наши западные братья подходят к этому вопросу не с достаточной диалектичностью — не формулируют достаточно резко того безысходного трагизма, который должен отличать христианское отношение к этой страшной проблеме. В протестантизме существуют по вопросу о войне две различные и противоположные установки. Одна из них, свойственная протестантизму германскому, считает войну неизбежным Божиим наказанием, от которого не уйти человеку. Некоторые представители этого взгляда склонны даже идти дальше и видеть в войне известное божеское решение («*Entscheidung*»), через которое Божество проводит свою волю в мир и в то же время карает человека. Война, таким образом, если прямо не оправдывается, то во всяком случае считается неизбежным установлением сего мира. Другой, противоположный взгляд, характерный для протестантского отношения к войне, решительно отрицает войну, как всякое насилие, и требует для христиан непротивления, неучастия в войне. Тому и другому взгляду нам пришлось противопоставить ту точку зрения, которую мы считали православной¹⁾, и которую можно назвать теорией деятельного, активного трагизма в отношении человека к проблеме войны. Она была формулирована в представленных в пятую комиссию пишущим эти строки тезисах, которые были также предметом его речи на собрании пленума.

«Будучи согласным с главными выводами проекта резолюции, я не могу не подчеркнуть различия религиозных чувств и теологических соображений, которые определяют наше православное отношение к войне. Подчеркиваю, что я говорю не только от себя лично, но и от имени некоторых представителей нашей православной группы.

1. Основным для нас является переживание мистического зла убийства, религиозной и метафизической сущности уничтожения чужой человеческой жизни. Момент этот совершенно не выражен в меморандуме, что весьма ослабляет его убедительность и силу. Для нас ужас убийства вытекает не из чувства простой сентимен-

1) Редакция «Новаго Града» не считает возможным признать характер исключительной православности за резолюцией русской группы. Трагизм войны дѣлает неизбежным и в православии наличие разных личных решений.

тальности, но из глубочайших религиозных переживаний. Человѣкоубійство является, согласно Библии, первым и самым отвратительным преступленіем — первым послѣдствіем грѣхопаденія (убійство Каином Авеля, проклятіе Каина, заповѣдь «не убий», сужденія об этом всех отцов Церкви и пр.). Ужас войны заключается в этом допущеніи убійства, переходящем иногда в его прославленіе. Тот, кто не чувствует мистическаго ужаса убійства, тот не способен к воспріятію ужаса грѣха и лишен способности любви. Ибо запрещеніе убійства есть выраженіе минимума любви человѣка к своему ближнему. Кто не владеет этим минимумом, тот не способен переживать раскаянія в грѣхѣ, так как убійство есть предѣл грѣха. Мы обязаны сказать это міру, так как современный мір потерял эту способность и уже болѣе не реагирует на человѣкоубійство, считая его дѣлом нормальным и обычным.

2. Діалектика, свойственная нашему нравственному отношенію к войнѣ, начинается там, гдѣ ужас убійства сталкивается с угрозой насильственной смерти, нависшей над моими близкими, моим народом, моим государством. Могу ли я из чисто индивидуалистическаго стремленія не впасть в грѣх, допустить, что будут на моих глазах убиваемы мои братья, мои дѣти, мои близкіе? Может ли мое созерцаніе акта убійства, совершаемаго другим человѣком, быть спокойным и бездѣятельным? Всѣ теоріи непротивленія злу насиліем грѣшат тѣм, что они хотят из человѣка сдѣлать пассивнаго созерцателя чужога убійства. Они хотят человѣка из участника возможной житейской драмы превратить в простаго зрителя, который смотрит на мировую трагедію как бы со сцены, во имя того, что хочет не замарать рук и тѣм спастись. Настоящая трагедія войны и убійства заключается в том, что человѣкъ принужден стать дѣйствующим лицом трагедіи. Бывают ситуации, когда человѣкъ обязан, жертвуя своей собственной жизнью, взять на свою душу грѣх для спасенія жизни своих ближних. Поднимая меч и совершая насиліе, даже для защиты, мы совершаем зло и потому грѣшим, но можем быть оправданы перед лицом Высшаго Судьи, как человѣческое право оправдывает преступленіе, совершенное в состояніи необходимой обороны.

3. Отсюда слѣдует, что война с христіанской точки зрѣнія мыслима (однако отнюдь не рекомендуется) при слѣдующих условіях: а) как состояние, вызванное крайней необходимостью обороны, а не как институт международнаго права; б) как послѣднее средство защиты, которое можно примѣнять только тогда, когда исчерпаны всѣ другія средства. Тогда в трагической ситуации крайней нужды, христіанин может и должен взять на себя грѣх, чтобы избѣжать большаго и страшнаго грѣха — именно, пассивнаго созерцанія, ради спасенія своей индивидуальной души, убійства своих близких, гибели своего народа и своего государства.

4. К сказанному пужно еще прибавить, что тот акт самообороны, о котором мы говорим, и который называется неизбежной войной, не является актом индивидуальным, но актом соборным. Нельзя апеллировать только к одной индивидуальной совѣсти человѣка, так как существует еще соборная совѣсть — совѣсть нации, совѣсть государства. Нельзя утверждать, что соборная совѣсть не погрѣшила и не может ошибаться. Но в то же время невозможно сводить все к совѣсти индивидуальной, разсматривать все с точки зрѣнія интересов отдельной человѣческой души. Существует особый моральный эгоизм, который личное спасеніе ставит выше жизни своих ближних, своего народа, своего государства. Впадать в него столь же ошибочно, как и вѣрить в абсолютную непогрѣшимость человѣческаго коллектива. Поэтому едва ли возможно вопрос о войнѣ сводить только к одной индивидуальной совѣсти и не соображаться с требованиями совѣсти соборной. С этой точки зрѣнія едва ли можно без всяких оговорок принять положенія, изложенныя в одном из пунктов проекта резолюціи о войнѣ, гдѣ допускается уклоненіе от воинской повинности на основаніи «сознательных» убѣжденій отдельнаго человѣка).

Пункты эти были предметом особаго обсуждения в комиссіи и в редакціонном комитетѣ. Считаюсь с ними, предварительный проект резолюціи был подвергнут пересмотру и в него вставлен особый абзац, напечатанный курсивом и содержащій суровое осужденіе войны. (Цитируемая книга, стр. 178) ¹⁾.

Недостаток мѣста не позволяет нам подробно останавливаться на резолюціях, касающихся существующаго экономическаго порядка и отношенія Церкви к вопросам воспитанія. В сокращенном текстѣ, формулированном в Обращеніи Съѣзда ко всему міру, по поводу экономическаго порядка говорится между прочим слѣдующее: «В области экономической первым долгом является настойчивое указаніе, что всякая экономическая дѣятельность, как и всѣ сферы человѣческой жизни, должна быть подчинена закону Христову. И прежде всего с точки зрѣнія христіанской совѣсти не может быть терпимо существованіе экономических классов, являющихся препятствіем для осуществленія братских отношеній между людьми. Между тѣм мы стоим перед все продолжающимся нестерпимым неравенством людей в их воспитаніи, в распредѣленіи досуга и в прочих условіях жизни. Развитіе экономической жизни привело к увеличенію погоди за стяжаніем и создало совершенно ложное понятіе об экономическом и социальном успѣхѣ... Сейчас мы являемся свидѣтелями возникновенія социальных движеній, представляющих собою реакцію против указанных фактов. Но они связывают борьбу за социальную справедливость с отрицаніем всякой религіозной вѣры... Церковь не может поддер-

¹⁾ Поясняем: пункт о законности неучастія в войнѣ вошел в резолюцію Оксфордскаго Съѣзда, и редакція «Новаго Града» это приѣствует, как большое достиженіе христіанской совѣсти.

живать утопических надежд, питаемых этими движениями, и решительно отвергает их безбожный характер. Но в тоже время нельзя не признать, что сами христиане вследствие свойственной им слѣпоты к вопиющему злу в экономических отношеніях людей, несут на себѣ долю отвѣтственности за антирелигіозный характер названных движеній».

В области вопросов воспитанія настойчиво высказывается требованіе, что Церковь должна имѣть свободу воспитывать своих дѣтей в христіанском духѣ. При наличіи конфликта между Церковью и нехристіанским пониманіем жизни, Церковь призывается к тому, чтобы «быть готовой к борьбѣ за христіанскую правду». Задачей христіанскаго воспитанія является, по словам резолюціи, обезпеченіе наибольшѣ широкой возможности к развитію тѣх «даров», какіе Господь вложил в человѣческую душу. Осуждается всякое проведеніе принципа неравенства в воспитаніи, препятствующаго идеям истиннаго братства в социальной жизни.

Труды Оксфордскаго Съѣзда кладут фундамент для будущей многолѣтней работы по объединенію христіанских Церквей и по выработкѣ общехристіанскаго пониманія основных проблем человѣческаго поведенія в сложных и трудных условіях современной жизни. Мы стоим только в самом началѣ этого пути, этой трудной задачи, разрѣшеніе которой зависит в значительной степени от сочувствія начатому дѣлу со стороны членов Церкви, всей вѣрующей паствы. К сожалѣнію, в нашей русской средѣ об экуменическом движеніи мало знают и мало им интересуются. Сдѣланный краткій отчет о Съѣздѣ ставит своей цѣлью пробудить интерес русской эмиграціи к тому начинанію, которое возникло 12 лѣтъ назад в Стокгольмѣ, и существенным моментом в развитіи котораго был Оксфордскій Съѣзд. Пожелаем же, чтобы движеніе это нашло широкій отклик в русской православной средѣ.

Н. Н. Алексѣев.

НОВАЯ ФИЛОСОФІЯ ТРУДА

Уже не раз на страницах «Новаго Града» говорилось о социальных исканіях духовно настроенной французской интеллигенціи. За истекшіе годы, эти исканія большей частью сводились к общей постановкѣ вопроса о взаимоотношеніи христіанскаго міровоззрѣнія и современнаго социально-экономическаго міра.

Но встав на опредѣленные позиціи духовной революціи (разрыв с неправдой капиталистическаго міра и возстановленіе «персонализма»), необходимо было сдѣлать еще один шаг: доказать